

ВВЕДЕНИЕ

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ФОКУСЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ДОСТИГНУТОЕ И УПУЩЕННОЕ

Итоги изучения в 1990-е гг.

Распад Советского Союза явился тяжелым испытанием для десятков миллионов его жителей, рассеянных на огромных пространствах Евразии. То обстоятельство, что СССР был по многим своим параметрам государством-империей, причем многокультурной, придавало и придает особую остроту и своеобразное этническое «измерение» тем кризисным явлениям, которые постоянно присутствуют в экономике, политике и социальной жизни многих бывших советских республик. В подавляющем большинстве из них самой серьезной этнически окрашенной проблемой стало коренное изменение социально-политического статуса и, соответственно, условий жизни оставшихся там русских и других так называемых русскоязычных, число которых, по последней Всесоюзной переписи населения, составляло в 1989 г. около 36 млн. человек. «Старшие братья» оказались в положении, несопоставимом с их прежними позициями, причем в государствах, которые, пользуясь уже широко известным термином Роджерса Брубейкера (*Rogers Brubaker*), можно назвать национализирующимися (*nationalizing states*)¹.

Преобладающей формой первоначальной реакции русскоязычных на изменение социальной среды обитания стали мощные миграции в Россию, пик интенсивности которых пришелся на первую половину 1990-х гг. Особенно масштабным был выезд из стран Центральной Азии. Это обстоятельство и определило фокус исследовательского и общественного интереса (в том числе и его региональное измерение), тем более что российские власти, озабоченные мощным притоком вынужденных переселенцев, были заинтересованы в изучении и прогнозах миграций.

К середине и особенно к концу прошедшего десятилетия стало очевидным, что эмиграционная активность русскоязычных резко пошла на спад. Так, не вдаваясь пока в детали, отметим, что число прибывших из региона в Россию в 2000 г. составило примерно 30% от числа переселенцев 1994 г. — года самых высоких суммарных объемов выезда. Если же взять конечной точкой 2001 г.², то цифра уменьшается до 18%³. Сколь бы различные по месту и способу действия факторы ни лежали в основе данного тренда (а факторы эти действительно многообразны и не всегда прогнозируемы), масштабы выезда русско-

язычных из стран проживания заметно сократились, а позднее просто «свалились» вниз, что еще «позавчера» поставило на повестку дня необходимость кардинальной смены исследовательских приоритетов.

Однако, несмотря на перелом в миграционных настроениях русскоязычных (а касается это не только Центральной Азии, но даже в большей степени и других постсоветских государств, в частности, Украины и стран Балтии), основным объектом интереса российских ученых на протяжении изучаемого периода продолжали оставаться **миграции и потенциальные мигранты**; различные факторы, провоцирующие выталкивание (в первую очередь «этнические») и в целом **дезинтеграционные процессы** в русскоязычных сообществах. Все 1990-е гг. и позже в научном и публично-политическом дискурсе господствовал так называемый **миграционистский подход**, сторонники которого исходили из той посылки, что в положении русскоязычных не наблюдается позитивной динамики, а в ближнем зарубежье у них нет будущего; что интересам России безоговорочно соответствует стратегия «Великого возвращения», а интересам русского народа — стратегия его «собираения» (замечу в скобках, что в русле данного подхода обычно оставался «за кадром» вопрос о том, что же отвечает потребностям и желаниям самих людей, называемых в России «соотечественниками»).

Причины подобного идеологического, концептуального и тематического «крена» многообразны. Сразу необходимо отметить высокую политическую «чувствительность» рассматриваемых проблем, их непосредственную включенность в сферу государственных интересов России и ее национальной безопасности, а также, но уже совсем другим «боком», в сферу властных и материальных интересов ряда достаточно влиятельных политических партий, движений и отдельных деятелей — как политиков, так и активистов неправительственных организаций. В частности, группы и движения, идеология которых исходит из примата прав «этноса» (в данном случае — русских) над правами отдельной личности, активно пытались и, возможно, еще будут пытаться собрать избирателей под знамена защиты страдающих братьев по крови⁴. Не удивляет и то, что обостренно-эмоциональная политизированная тональность в обсуждении проблемы «соотечественников», в частности, такого важного ее аспекта, как вынужденные миграции русских и русскоязычных в Россию, была принята на вооружение и средствами массовой информации, многие из которых, особенно в период президентства Бориса Ельцина, являлись рупором тех или иных политических сил.

Существовали и внутрикорпоративные причины устойчивости миграционистского подхода. Во многом это скорее беда, а не вина российских ученых, возможности которых заниматься дорогостоящи-

ми и трудоемкими полевыми исследованиями, отслеживать развитие ситуации не только по всем странам, но и по отдельным их районам, в условиях мизерного бюджетного финансирования отечественной науки были и остаются весьма ограниченными. Не последнюю роль играет распространенность, в том числе и в научном сообществе, примордиалистских представлений о природе этничности. Наконец, все еще неразвиты традиции качественной социологии, а отсюда — преимущественная ориентация на формализованные (анкетные) опросы, при которых зачастую отсутствует контакт ученого с респондентами и которые открывают их взору, как правило, лишь некие готовые решения (типа «поедем — не поедем»), с мотивациями, зачастую подсказанными самим исследователем в закрытых вопросах. Между тем о **реальной жизни людей**, со всей объективной и субъективной подоплекой выбираемых ими поведенческих стратегий, до сих пор известно немногое. Это особенно заметно в сравнении с тем значительным объемом работы, который был проделан социологами и представителями родственных наук по изучению условий жизни, стратегий адаптации и сдвигов в самосознании населения постсоветской России.

По моему глубокому убеждению, уже давно назрела необходимость вывести исследования умонастроений и поведения проживающих в ближнем зарубежье русскоязычных за достаточно узкие «миграционные» рамки в широкое социологическое пространство наблюдений за многообразными проявлениями их социальной жизнедеятельности, — и на поведенческом, и на ментальном уровне.

Это все более актуально не только потому, что значительные массы русскоязычных в бывших советских республиках, задумываясь о переезде в Россию, не могут этого сделать по экономическим, организационным или чисто личным причинам и таким образом «вынужденно остаются» и волей-неволей приспособляются к изменившейся не в их пользу ситуации. Еще важнее следующее обстоятельство. Даже в странах Центральной Азии, где резкое перераспределение этносоциальных ролей после распада СССР протекало для русскоязычных особенно болезненно из-за их прежней ипостаси «старшего брата» и значимых этнокультурных отличий от титульных групп⁵ — в их среде уже **сформировалась достаточно большая прослойка тех, кто сознательно хотел бы остаться на месте прежнего проживания**. Таким образом, если миграция из данного региона, в период ее наиболее высокой активности, носила преимущественно вынужденный характер, то отказ от миграции имеет более сложную природу, становясь для кого-то вынужденным, а для кого-то — добровольным.

Что это за люди, которые пребывали почти в полной тени для исследовательского и масс-медийного взгляда? Чем обусловлено их намерение остаться, как они выживают, как интегрируются в «нацио-

нализирующийся» социум? Каковы возможности их социального продвижения и есть ли у них склонность к культурной интеграции? Как менялось их мироощущение на протяжении первого постсоветского десятилетия? Чему они преданны, к чему привязаны (в гражданском, патриотическом и эмоциональном смысле)? Возможна ли их консолидация и если да, то на основе каких ценностей? Наконец, какое будущее их ждет при различных сценариях внутреннего развития той или иной страны и при вмешательстве в ход этого развития мощных геополитических, экономических и прочих факторов, вызванных к жизни за пределами региона или даже всего постсоветского пространства?

В представленной книге читатель сможет найти ответы на многие из перечисленных вопросов, естественно, в авторской интерпретации. Это первая в российской и мировой науке попытка комплексного (с точки зрения набора сюжетов), охватывающего самое трудное постсоветское десятилетие социологического исследования настроений и поведения русскоязычных жителей одного из новых независимых государств. Впрочем, привлечение разнообразного материала по другим странам ближнего зарубежья и анализ происходившего в Киргизии в более широком контексте постсоветских социальных трансформаций выводит работу из разряда чисто страновых.

Одна из главных «изюминок» книги — «живые голоса». О перипетиях жизни русскоязычных в независимой Киргизии рассказывают сами свидетели событий, не только эксперты, но и множество обычных людей. Она написана на обширном и во многом не имеющем аналогов эмпирическом материале, собранном автором во время семи экспедиций в Киргизию (первая состоялась в 1992 г., завершающая — в 1999 г. и «контрольная» — в 2003 г.), а также в Таджикистан (1996 г.). Дополнением к основному массиву информации служат данные, собранные в районах расселения вынужденных мигрантов в Центральной России (пять экспедиций в 1993–1997 гг.). Результаты этой многолетней работы, полученные методами не только количественной, но прежде всего качественной социологии, позволяют, на мой взгляд, во многом по-новому взглянуть на проблему «соотечественников» на страновом, региональном и надрегиональном уровнях.

При работе над темой я исходила из ряда принципиальных методологических предпосылок, которые, пройдя многолетнюю проверку, получили серьезное эмпирическое обоснование и стали уже результатами исследования. Поскольку некоторые из этих позиций со всей очевидностью оказались движением против наиболее распространенных в российской науке взглядов, а другие — просто новым ракурсом видения проблемы, то о них надо было не просто заявить, но «пропустить» их через ткань повествования.

Новые приоритеты: расставляя путеводные флажки

Почему русскоязычные, а не русские?

Первое — объектом изучения являются не собственно русские, а, как уже мог заметить внимательный читатель даже по небольшой прочитанной им части введения, именно **русскоязычные**, т. е. совокупность многих этнических групп. Это вопрос не только фактологический, но прежде всего концептуальный.

Этническая неоднородность открывателей, покорителей и преобразователей Центральной Азии имеет весомые исторические и социологические обоснования. Так, в дореволюционный период исключительно русскими не были здесь ни «верхи» (чиновники колониальной администрации, офицерство, врачи, учителя), ни «низы» (гораздо более многочисленные крестьяне-колонисты). Тут важно вспомнить, что в Российской империи «вплоть до 1917 г. лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились гораздо выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность... Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными»⁶. Что касается волн крестьянской колонизации, то они, зарождаясь преимущественно в наиболее перенаселенных губерниях — южнорусских, малороссийских и центральных, приносили в азиатские степи, кроме русских, значительное количество украинцев. Некоторые авторы используют поэтому термин «восточнославянская» колонизация⁷. По данным переписи 1897 г., в киргизской части Семиреченской области проживало, например, 16,5 тыс. русских и 6,7 тыс. украинцев⁸.

В советский период, когда формы и причины переселения в Центральную Азию стали гораздо более разнообразными — от насильственных до добровольных, от движения целых «народов в эшелонах» до стремления одиночек к лучшей жизни в теплых краях, — этнический состав пришлого населения стал в регионе значительно более пестрым, своего рода «вавилонским смещением культур и народов»⁹. Кроме представителей наиболее крупных восточнославянских народов, здесь оказались немцы, татары, евреи, армяне, корейцы и многие другие. Это «нерусское население, включенное в миграционные перемещения, либо изначально было населением русской культуры или, во всяком случае, русскоязычным, либо становилось таковым, расставшись с родной почвой и живя вдали от родины»¹⁰.

Распространенный термин «русскоязычные»¹¹ (более редкий вариант — «русскоговорящие»), который я обычно использую в своих

работах, характеризует данный конгломерат как нельзя более точно. Его аналог, имеющий достаточно широкое хождение в регионе, причем, в отличие от «русскоязычных», пришедший не «сверху», из официальной и научной речи, а являющийся самоназванием — **«европейцы»** (в отличие от «националов», представителей автохтонных для Центральной Азии этнических групп). Причем «европейцы» здесь — это не только выходцы, скажем, с Кавказа и Закавказья, но и корейцы, казалось бы, стопроцентные «азиаты».

Российские исследователи Шариф и Рустам Шукуровы называют русскоязычных трансэтнической группой¹²; я же предпочитаю говорить о них как об **этносоциальной группе**, причем основной акцент тут делается не на «этническом», а на «социальном» и цивилизационном, учитывая общность их исторической судьбы, базовой культуры, прежних социальных ролей и особенности нынешнего положения в новых независимых государствах.

Как мы видим, содержание термина «русскоязычные» весьма емкое; поэтому трудно согласиться с чрезмерно упрощенным его пониманием как той части населения бывших союзных республик, которая свободно говорит по-русски и считает этот язык родным. Отталкиваясь от подобной расхожей трактовки термина, некоторые авторы его отвергают. Так, по мнению Сергея Градировского, «словосочетание “русскоязычная диаспора”, важное для одних целей, оказалось ложным и вредным для других»¹³, и главным его аргументом является то, что, к примеру, на Украине и политическая, и культурная, и бизнес-элиты были и остаются русскоязычными, а Леонид Кучма украинский язык вынужден был учить во время своей первой президентской кампании. И один из ведущих политиков Киргизии, Феликс Кулов, претендовавший в 2000 г. и в 2005 г. на президентство, тоже «русскоязычный» и брал уроки киргизского языка. Однако и Л. Кучма, и Ф. Кулов, и элиты, и весьма многочисленные «русскоговорящие» киргизы, казахи, украинцы, эстонцы, молдаване и пр. находятся по отношению к русскоязычным — представителям **пришлых, некоренных**¹⁴ этнических групп, попавшим на ту или иную территорию в ходе колонизаций различных периодов и типов, по разную сторону баррикад. Они титульные, т. е. их представители располагают в национализирующемся государстве основными властными рычагами (или стремятся к этому). Важны, повторяю, два взаимосвязанных критерия — во-первых, принадлежность к нетитульным, причем пришлым, группам; во-вторых, появление и оседание последних в том или ином регионе под влиянием известных социально-экономических и политических обстоятельств¹⁵.

Таким образом, мы определились с объектом анализа. Однако в России произошла, по сути, **этнизация** публичного и научного дискурса о «соотечественниках»: объектом изучения и обсуждения, призывов

и деклараций, политических рекомендаций и возможных политических действий — будь-то переселение (репатриация), предоставление гражданства, оказание финансовой помощи и пр., и пр., нередко выступают именно **этнические русские**. Сразу оговорюсь, что я не имею в виду выступления не вполне компетентных журналистов и те случаи, когда слово «русские» используется в широком значении, по сути, как синоним русскоязычных, и это специально оговаривается авторами (иногда так делают из соображений благозвучия, особенно в заглавиях, и настоящая книга не исключение). Гораздо серьезнее, с точки зрения общественного резонанса, выступления в прессе политиков, большинство которых имеет ученые степени, и исследователей, сотрудничающих с научными учреждениями определенной политической ориентации. Тут речь идет либо об идеологических поисках, либо, что чаще, о состоявшемся идеологическом выборе.

Так, например, депутаты Государственной Думы прежнего созыва Светлана Смирнова и Виктор Алкснис, рассуждая о тех «соотечественниках», которых нужно, по их мнению, впускать в Россию на льготных условиях, называют «представителей всех коренных народов России»¹⁶. Возникает вопрос — на каком основании, скажем, армяне, украинцы или белорусы, которые, подобно всем остальным таким народам, были жителями СССР, пославшим их осваивать азиатские просторы, должны лишиться части репатриационного пирога, если он все-таки будет испечен на российской политической кухне? Не говоря уж о том, что есть еще немцы, евреи, корейцы («коренные» ли они для России, если следовать данной логике?); о том, что многие из представителей названных групп (или их предки) переезжали в Центральную Азию с российской территории и, наконец, о распространенности в России/СССР такого явления, как межэтнические браки. Впрочем, далее по тексту авторы, видимо, испугавшись даже такого расширения армии кандидатов в «соотечественники», уже вполне традиционно пишут о «массовом выезде русских», «потенциале русской репатриации», о различных группах проживающих в бывших республиках «этнических русских» и о необходимости учитывать «опыт других государств, сталкивавшихся с проблемой воссоединения разобщенной “титульной” нации»¹⁷.

Неопределенность позиции присутствует и в другой весьма заметной статье, но уже совершенно иного плана: ее авторы, Сергей Градиловский и Алексей Тупицын, не апеллируют к государству, а предлагают свое оригинальное, хотя далеко не бесспорное, видение сути феномена диаспоры в общемировом и в постсоветском контекстах. Пытаясь понять, кого же призвана объединить диаспора, коль скоро речь идет о «соотечественниках за рубежом», их все время бросает от вполне адекватных реальности выражений и положений — «русские

(русскоязычные) диаспоры» (хотя словосочетание «русские диаспоры» или более однозначное «русские люди» встречается гораздо чаще); «создание русскоязычной культурно-образовательной среды» или «общественная диаспоральная политика предполагает работу со всеми, кто готов к совершению некоторых действий в интересах России», к формулировкам, построенным на жестком принципе этнической селекции, типа: «Пассионарная энергия русского народа еще не растрачена окончательно, а значит, еще есть ресурс для роста и развития», и т. д., и т. п.¹⁸

Не могу не упомянуть в данном контексте и известного обозревателя «Независимой газеты» Наталью Айрапетову, специализацией которой долгое время являлось освещение проблем беженцев, вынужденных переселенцев и «соотечественников». В большинстве своих публикаций она пользуется терминами «русскоязычные», «русскоязычное население» и пр., но иногда появляются своеобразные «занысы» — статьи, где словосочетания «русские люди», «русские общины», «русские диаспоры» и подобные им встречаются чуть ли не в каждой фразе¹⁹, и смысл их совершенно однозначен. Возможно, автор попадает под некоторое влияние так называемых русских общин, а вернее, их лидеров, чьи прагматические интересы и идеологические воззрения тρέбуют, по вполне понятным причинам, педалирования русскости²⁰.

В других газетных материалах, также претендующих на «программность», находим уже четко заявленную позицию. Так, Виктор Кудрявцев, стремясь доказать, что русскоязычной диаспоры «нет и быть не может» (прав он или нет, мы сейчас не рассматриваем), имеет в виду исключительно русских, «русский народ»²¹. Столь же однозначен обширный, занимающий целую газетную полосу доклад, подготовленный рядом сотрудников Центра региональной политики развития образования, при участии таких известных фигур, как Константин Затулин, директор Института стран СНГ, а ранее один из лидеров Конгресса русских общин (КРО), и Александр Севастьянов, теоретик русского национализма. Хотя в практической части доклада предлагается развернутая программа помощи «соотечественникам», состоящая, по большей части, из вполне разумных предложений, думают авторы исключительно о «русских братьях», и неоднократные ссылки на пресловутую «пассионарность» русского народа, «русское самосознание», «разделенное положение русской нации» и пр. не оставляют в этом никаких сомнений²².

Если говорить о масс-медиа в целом, уместным будет сослаться на американского ученого Дэвида Лейтина (*D. Laitin*), автора одной из лучших в мире работ, посвященных русскоязычным жителям ближнего зарубежья. Он провел, в частности, контент-анализ публикаций, изданных в 1990–1996 гг. в России, Эстонии, Казахстане и на Украи-

не и посвященных отношениям различных этнокультурных групп. Цель состояла в том, чтобы выяснить, какими словами или, по выражению автора, «идентификационными клише», чаще всего называли в прессе русскоязычных. На первом месте по частоте употребления стояло слово «русские» («как этническая категория»). Другие позиции сильно отставали от первой; в 20% случаев для обозначения русскоязычных использовались слова, выражающие «неодобрение» (*negations*), затем следовал термин «русскоязычное население» (17%), а остальные варианты встречались в 5% случаев и еще реже²³.

При обращении к работам чисто академическим мы и там увидим превалирование того же принципа этнической селективности при выборе объекта — теперь уже исследования, а не политических действий. Об этом говорят не только заглавия книг (тут, как я уже отмечала, возможны чисто стилистические предпочтения), но в первую очередь то обстоятельство, что бóльшая часть опросов, проведенных российскими учеными в 1990-е гг. в рамках изучения «соотечественников», была ориентирована только на русских (и представителей титульных групп), а не на русскоязычных в том понимании, о котором говорилось выше²⁴.

Содержание этих работ, их концептуальная основа свидетельствуют о том, что такой выбор отнюдь не случаен. Сергей Савоскул, например, очерчивая во введении к своей книге ее предмет, считает «крайне важным развести понятия “русские” и “русскоязычные”». Последнее он называет «лингвистическим» и «не вполне четким» (но ведь можно дать четкое определение и следовать ему — это зависит от автора), и пишет далее: «Мы исследуем проблемы русских и лишь в какой-то мере другого русскоязычного населения стран нового российского зарубежья»²⁵.

Хорошей иллюстрацией сказанному служат также некоторые явно прогумилевские формулировки из введения, предпосланного книге о русских в Молдавии ее ответственным редактором Михаилом Губогло. Явно обозначившуюся с середины 1990-х гг. тенденцию к «взаимной адаптации молдавского и русского населения» он рассматривает с позиций борьбы двух базовых подходов к этничности: «Своим анализом Л. В. Остапенко и И. А. Субботина еще раз подтверждают приоритет объективного начала в развитии этнической культуры и идентичности над субъективным, приоритет примордиализма над конструктивизмом. Энергия этнического развития русского населения, пустившего глубокие корни на молдавской земле, оказалась сильнее, чем экстремизм идеологов румынизации, направленный на выдавливание русских из Молдавии». И ранее: «Стихийные, естественные, примордиальные потенции оказались сильнее. Молдаване не стали румынами, русские остались русскими»²⁶. Заметим при этом,

что проблемы идентичности в книге вообще не рассматриваются; она посвящена анализу результатов опросов, касающихся преимущественно миграционных намерений русских Молдавии и форм их экономической адаптации. Отмечу также, что утверждение «русские остались русскими» с научной точки зрения мало информативно; необходимо понять, какова структура их идентичности и какие трансформации она претерпела в постсоветский период, пусть и не выходя за пределы «русскости».

В определенном смысле подобные утверждения вряд ли стоит обсуждать: они основаны более на вере, нежели на научном анализе социальной реальности. Но если отойти от несколько надуманного противопоставления примордиализма конструктивизму, к тому же упрощенно понимаемому здесь как произвольное жонглирование людьми частью своего «я», не имеет ли право на существование другое объяснение стабилизации положения русскоязычных в Молдавии, также не выходящее за рамки «объективного»? Причем объяснение с социологической точки зрения вполне естественное. Сыграли свою роль общие для всех бывших республик процессы, сопровождающие рыночные преобразования и становление новых государств, в сочетании с развитием ситуации в России, не привечающей «соотечественников», а также специфика постсоветского развития самой Молдавии и положения там русскоязычных. На этом фоне интеграционные настроения в их среде стали перевешивать миграционные, наметилась взаимная притирка друг к другу титульной и нетитульной групп, а также некоторая корректировка курса властей, о чем пишут сами авторы. И насколько надежны основания считать, что этнический фактор, тем более такой трудноуловимый, как «энергия этнического развития», является главенствующим в этих подвижках, в сравнении с факторами экономическими, политическими и социальными?

Итак, в рамках обсуждаемого проблемного поля существует, на мой взгляд, ряд серьезных аргументов против рассмотрения в качестве объекта исследования, политического действия, помощи и пр. лишь «этнических русских».

С исторической точки зрения, это противоречит фактам, поскольку русские были лишь частью (хоть и немалой) того идущего из центра людского потока, который осваивал, развивал и просто заселял в разные периоды времени «имперские окраины». В наибольшей степени данное положение относится к Центральной Азии и к Закавказью (в первую очередь к Азербайджану); к определенной мере к странам Балтии и с некоторыми оговорками к Молдавии. Соответственно, столь же пестрым в этническом смысле являлся и зародившийся еще в советское время поток (впрочем, сначала он был ручейком) выезжающих из Центральной Азии в Россию²⁷: здесь наличествуют не только

русские и представители групп, «дом» которых находится в России, но и многие другие. Речь идет, таким образом, о движении гораздо более сложном по своей структуре, мотивам и стимулам, чем стремление русских на свою «этническую родину», а оценивать его надо не столько как «собрание русского этноса», с соответствующими политическими и правовыми референциями, а с более широких социальных позиций. Об этом неоднократно писал и говорил Валерий Тишков, выражая беспокойство попытками законодательного оформления идей о том, что «кого-то надо с кем-то воссоединить и куда-то репатриировать», и вообще свойственной постсоветским обществам «одержимостью культурными различиями»²⁸ — она «приводит к тому, что мы начинаем думать, будто люди имеют в связи с их этнической и культурной принадлежностью какие-то особые, исключительные права, в том числе и на переезд из одного государства в другое»²⁹.

Как полагает С. Градировский, который является здесь моим союзником, акцент на этнических русских противоречит и российской исторической традиции. Данный автор отказался от ранее пропагандируемой им идеи необходимости проведения Россией диаспоральной политики (а диаспора, по его мнению, представляет собой именно этнический проект). Вот как он обосновывает перемену позиции (позволю себе привести пространную цитату): «Если бы случилось так, что диаспоральная политика стала частью последовательной государственной политики России, то она неизбежно проводилась бы в рамках **этнической идентификации**... Но государство, проводящее диаспоральную политику исключительно (или даже в первую очередь) в отношении этнических русских, есть *государство для этнических русских*.

Известно, что в современной России предостаточно сил, отстаивающих именно *такое* будущее страны. Но также известно, что *такого* никогда не было, что имперская программа России всегда преодолевала узкие рамки, душное пространство этнической идентичности. Следовательно, лозунг *“Россия для русских”* есть искажение *Предначтленного*, как оно осмыслялось в русской религиозно-философской и даже марксистской традициях»³⁰ [все подчеркивания принадлежат автору цитаты. — Н. К.].

С политической и гуманитарной точки зрения, это неоправданно сужает тот сегмент населения новых независимых государств, которое в силу общности судеб и своего нынешнего положения может претендовать на заботу России (оставаясь ли на прежнем месте жительства, включаясь ли во все еще неработающие программы помощи мигрантам). И тут можно только вздохнуть с облегчением по поводу того, что пожелания, подобные высказанным С. Смирновой и В. Алкснисом или Институтом стран СНГ, не приняты к исполнению российскими чиновниками, во многом в силу до сих пор преобладающего в России

декларативного подхода к «соотечественникам». Поистине, кто мало делает, тот меньше ошибается. Ведь не изобрели пока приборов и тестов, способных отделить, скажем, на границе, «чистых» от «нечистых», этнических русских от всех прочих. Замечу в скобках, что на пропагандистско-словесном уровне власти взяли на вооружение чрезвычайно расширительную концепцию «своих»; хлесткое ее определение дает, например, публикация в «Независимой газете» под названием «Негры — тоже соотечественники», с симптоматичным подзаголовком «Люди, чувствующие свою связь с Россией, могут рассчитывать ежегодно на 2,5 рубля бюджетной поддержки»³¹.

С политологической точки зрения, рассматриваемый подход выводит за скобки анализа и прогноза перспективы широких формальных и неформальных коалиций и союзов, оппонирующих национализирующимся (а в Центральной Азии — еще и во многом авторитарным) режимам и объединяющих не только русскоязычных, но и представителей автохтонных этнических групп — как титульных, так и нетитульных.

Наконец, **если исходить из исследовательских задач**, из нашего поля зрения выпадают интересные нюансы во взглядах и поведении нерусских русскоязычных, хорошо заметные на больших выборках³². И, *last but not least* — ориентация на русских тесно смыкается с распространенным в нашей литературе стремлением трактовать фактор этничности как безусловную доминанту во взаимоотношениях новых государств (и представителей титульных групп) с проживающими в бывших республиках русскоязычными.

От этнического к социальному

Для авторов многих научных публикаций, для СМИ, да и широких слоев российского населения главная причина всех испытываемых «соотечественниками» трудностей состоит в том, что они — русские, а вся власть находится в руках титульных групп. **Вторая** из принципиальных позиций, на которые я опираюсь в своей работе, как раз и касается **природы этих трудностей**. Итак, истоки разного рода противоречий, трений или прямых конфликтов видятся как **этнические** и сводятся к **противостоянию этнических групп**. Недаром в описаниях ситуации вокруг русскоязычных в той или иной стране прилагательное «этнический» — одно из самых ходовых (этнический дискомфорт, этническая дискриминация, этнические миграции, этнические отношения и т. д.).

Однако зададимся вопросом — не имеет ли право на существование и другая интерпретация? То, что на поверхности явлений и в массовом сознании выглядит как противостояние «этносов», во многом

является **противостоянием социальных групп**, возникшим в ходе радикальной перестройки социально-политической иерархии и перераспределения властных и экономических рычагов, а переселение многих «детей империи» в Россию — это неизбежный в ходе суверенизации отъезд части прежде доминирующей группы туда, где находился «имперский Центр».

Русские и другие русскоязычные весь долгий период существования Российской империи и СССР являлись на их периферийных территориях не только опорой промышленности, системы образования, науки и многого другого, но и носителями идеологии Центра и проводниками его политики, а потому занимали главенствующие места в структурах власти всех уровней. После образования на обломках СССР суверенных государств ситуация коренным образом переменялась, и «русские» оказались на более низких этажах властной пирамиды³³, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, если дополнить данное выше определение, русскоязычных следует рассматривать как этносоциальную группу, отчужденную от власти правящим слоем, принадлежащим в большинстве своем к титульной группе. Наиболее органично подобная лишь отчасти этническая интерпретация ложится на ситуацию в Центральной Азии, где в прошлом «имперское» соотношение сил дополнялось представлениями о «старшем» и «младшем» брате, потесненными, но окончательно еще не ушедшими из массового сознания.

На уровне научной экспертизы и политических решений предлагаемый подход представляется более плодотворным и конструктивным, нежели упор на столкновение исключительно этнических интересов.

Во-первых, он дает возможность **снизить политизированность в восприятии российской общественностью проблемы «соотечественников»**.

Во-вторых, как и в любом случае, когда противостояние различных интересов подвергнуто рациональному осмыслению, **открывается путь к разумному «торгу» с целью установления неких взаимоприемлемых правил игры**, причем как на уровне межгосударственных и межгрупповых, так и межличностных отношений.

В-третьих (в продолжение второго пункта): представления об этнических различиях (барьерах, границах) обладает в сознании людей большой устойчивостью, и **рассмотрение конфликтов как «этнических» делает их фатально непреодолимыми** — в отличие от ситуаций, когда члены групп воспринимают себя и «другого» сквозь призму социального статуса, материального положения, доступа к ресурсам, социокультурной близости. Эту мысль я попробую развить в главе 2 разд. I, посвященной проблемам так называемого бытового национализма.

В-четвертых, идя по предложенному пути, **мы сможем избежать соблазнов «морализирующего подхода»** к изучаемым явлениям, т. е.

«упрощенного деления индивидуальных и коллективных субъектов исторического действия на “своих” и “чужих”»³⁴, а также имеющих ту же природу **соблазнов так называемой симпатизирующей этнографии** (известное выражение В. Тишкова³⁵), искушения встать на чью-то сторону — в данном случае, «своих», русских. В том, что такая опасность существует, я неоднократно убеждалась сама, выслушивая от активистов организаций «соотечественников» (но почти никогда — от обычных людей) просьбы-упреки типа: «Вы ведь русская, Вы должны нам сочувствовать!». Подобное обозначение своего места на баррикаде не только несовместимо с самой природой и задачами научного творчества, но и политически опасно, поскольку «любовь» к одному этническому сообществу предполагает нелюбовь к другому или другим, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Не нужно выдумывать этничность там, где ее нет»

По сути, вопрос о природе противоречий между русскоязычными сообществами и титульными группами является составной частью более широкой проблемы роли этничности в современном мире и в сегодняшней России, в частности. И тут, как уже мог заметить читатель, моя позиция сводится к тому, что с джином этничности надо обращаться очень осторожно, стараясь не выпускать его из бутылки. Отрадно, что подобный подход уже стал образом мысли новой генерации российских ученых, не обремененных грузом примордиализма в советском исполнении. Позволю себе привести пространное высказывание, весьма созвучное духу настоящего исследования:

«...социологи должны изучать социальную реальность, конструируемую самими исследуемыми, жизнь реальных людей в их собственном представлении... Зачастую ученые анализируют не реальную жизнь, а своё собственное представление о ней». И далее: «...мы полагаем, что не следует злоупотреблять понятием “этничность”, ибо оно сегодня фактически не может быть отделено от национальности и проекта национализма. Проект национализма — прежде всего политический проект, влекущий за собой усложнение ситуации, в нашем случае, и для мигрантов, и для членов принимающих обществ. На наш взгляд, стоит избегать использования концепции этничности везде, где это возможно, и категорически не следует использовать её там, где она не адекватна описываемой реальности: **не нужно выдумывать этничность там, где её нет!** И даже в тех случаях, когда интерпретация реальности участниками событий включает элемент этничности или национализма, **не следует воспроизводить клише обыденного сознания, выдавая их за научные.** Задача социолога в другом — прежде всего в

деконструкции обыденных представлений, демонтаже социальной реальности как “объективно данной”. В случае с этничностью и национализмом это означает: не воспроизводить национально-этническую картину мира, но демонстрировать, как она создавалась и продолжает создаваться теми, кто имеет ресурсы для конструирования “этнической” и “националистической” социальной реальности, давая её легитимные определения; теми, кто заинтересован в таком видении жизни и получает от этого свою “прибыль” — символического или любого иного рода» [подчеркнуто мной. — *Н. К.*]³⁶.

Я исхожу из того, что за пределами экстраординарных ситуаций типа острой фазы межнационального конфликта, когда этничность становится объектом повседневной болезненной рефлексии и главным регулятором людских мыслей и поступков, при относительно нормальном состоянии общества фактор этнической принадлежности утрачивает свою самодовлеющую, доминантную роль. Одной из моих главных целей как раз и является анализ **восприятия и интерпретаций этничности обычными людьми**. Причем речь пойдет не просто о личностном, т. е. микро-уровне осознания этнической идентичности, хотя это очень важный момент. Я согласна с В. Тишковым, что до этого уровня исследователи опускаются достаточно редко, сосредотачиваясь на «элитных усилиях по конструированию» массовых представлений об этничности³⁷. На протяжении всей книги я постараюсь отследить, осознавая всю волнующую сложность этой задачи³⁸, как, для чего и в каком контексте люди апеллируют к этническим категориям (и, наоборот, когда и почему они не обращаются к ним), формулируя свои оценки, ожидания, предпочтения, касающиеся, например, жизненного успеха; психологического климата в основных микрогруппах повседневного общения; перспектив миграции; будущего своих детей; трудностей адаптации к рынку и т. п. Кроме того, мы попробуем взглянуть под данным углом зрения и на поведение людей, т. е. выяснить, например, какую роль играют «этническое» при выстраивании неформальных сетей солидарности и поддержки; в индивидуальных стратегиях социального продвижения; при выборе между «уехать» и «остаться»; в различных проявлениях социально-политической активности и т. д.

Предпринять подобную попытку тем более необходимо, что, на мой взгляд, роль этничности в формировании мнений и поведенческих практик русскоязычных в нашей литературе зачастую сильно преувеличивается. Этому способствуют следующие моменты:

— для обычных людей «этнические» объяснения зачастую являются наиболее естественным и удобным способом выплеснуть эмоции и найти виноватого (тем более — в атмосфере повышенного интереса к этничности), что никак не оправдывает некритичный перенос таких воззрений на академический уровень³⁹;

— в анкетах превалируют закрытые вопросы, что вопреки желанию исследователя может стать «подсказывающей» и «навязывающей» тактикой и в итоге «поиском этничности там, где ее нет»;

— структурно сложные и устойчивые комплексы массового сознания (например, беспокойство о будущем детей) трактуются как однозначно «этнические».

Еще раз об этничности: немного «личного» в контексте «общественного»

Ситуация в рамках той части профессионального сообщества, которая занимается изучением русскоязычных ближнего зарубежья, является слепком с того, что происходило в постсоветский период в российской этнографии и смежных дисциплинах. Не говорю, естественно, о всем комплексе проблем, но лишь о тех, что отметил Сергей Соколовский в своей обзорной аналитической статье «Российская этнография в конце XX в. (библиометрическое исследование)»⁴⁰: «концентрированность... на проблематике этнического» и трудности «продуктивного развития дискуссии об этносах и этничности» между учеными, стоящими на противоположных позициях при объяснении природы этих явлений (эссенциалисты и конструктивисты). Рассматривая такой «кризис взаимопонимания» на примере теоретических споров в «Этнографическом обозрении», С. Соколовский предлагает два объяснения: «Сам жанр журнальной дискуссии, видимо, не способствует развернутому представлению всей совокупности имеющихся для защиты той или иной позиции аргументов. Чаще всего позиции сторон редуцируются до карикатурных утверждений типа “этносы — это умственные конструкты” (утверждение, обычно приписываемое всем конструктивистам сторонниками примордиалистского направления) или “этносы — это монолиты”, которые в силу лапидарности неизбежно истолковываются односторонне... Другая причина — политизированный и идеологизированный характер дискуссии»⁴¹.

На нашем тематическом поле два противоположных лагеря (условно говоря, сторонников «воссоединения русского народа», с одной стороны, и интеграции русскоязычных в социумы стран проживания, с другой), которым примерно соответствуют и два уровня исследования — прикладной и теоретический, как раз и можно соотнести с примордиалистами и конструктивистами. На мой взгляд, аргументы С. Соколовского тут бьют не в бровь, а в глаз, с той лишь разницей, что сотрудники Института этнологии не смогли найти общего языка в рамках журнальных дискуссий, находясь в пределах одного научного учреждения, а «миграционисты» и «интеграционисты» тяготеют к

сидению в разных углах «тусовочного», «конференционного» и «публикационного» пространства, проводя научные дискуссии и печатаясь сугубо в кругу «своих». Так, например, в 1990-е гг. главным местом встреч «миграционистов» были семинары, организуемые программой по миграции и гражданству Московского Центра Карнеги; с некоторым временным лагом «citadelю» российского конструктивизма стал Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

Пребыванию (продолжающемуся до сих пор) двух лагерей в своего рода параллельных мирах способствует и отсутствие у конструктивистов реального, «полевого» интереса к нашей теме. По понятным причинам, в судьбах «братьев по крови» кровно (неизбежный каламбур) были заинтересованы прежде всего примордиалисты — и как политики национал-патриотической ориентации, и как ученые, и как публицисты. А конструктивисты, видимо, не видели в интересующей нас тематике стоящего объекта приложения своих именно исследовательских усилий, и дело ограничилось несколькими яркими выступлениями В. Тишкова и ряда других ученых на семинарах и их отдельными публикациями (подр. см. главу 1 разд. I). Да и работы в самой России у конструктивистов было и остается немало — чего стоит, например, «диаспоризация всей страны»⁴² (как мы увидим ниже, термин «диаспора» очень органично подходит для оперирования им в рамках эссенциалистской парадигмы).

Тут будет уместным более четко обозначить свою собственную позицию в рамках очерченной дихотомии подходов. Как уже, наверное, понятно читателю, я разделяю основные принципы и постулаты конструктивизма, хотя и не отношу себя к сформировавшемуся в российской науке его радикальному «крылу», прежде всего из налагаемых его последователями довольно жестких методологических самоограничений⁴³. Кроме того, я не считаю, что выбор научной концепции, логической модели, объясняющей социальную реальность, должен, подобно вере или моральным принципам, осуществляться исследователем лишь один раз и навсегда, и обретать потому черты непримиримого идейного противостояния с «инакомыслящими».

В силу своего возраста я пришла к конструктивизму (возможно, не сразу догадавшись, что говорю «как нужно», т. е. «прозой») не потому, что меня так учили на студенческой скамье или потому, что исповедующие его люди близки мне своим «западничеством». Не замечала я в себе и каких-то политических интересов и иных чисто инструментальных целей (например, вхождения в тот или иной «клуб единомышленников»), вот почему нелицеприятную характеристику российского конструктивизма, данную недавно Евгением Фирсовым, считаю не вполне справедливой⁴⁴.

Это был путь длинный и гораздо более прозаический, через «поле», интенсивное и свободное общение с людьми, не отягощенное заранее выбранной установкой и углом зрения. «Смотреть во все глаза и слушать во все уши» — вот что казалось мне самым главным в доселе малознакомой стране, куда мне посчастливилось попасть «на сломе эпох». Я довольно быстро обнаружила, что «этническое» в повседневных практиках обычных людей играет роль гораздо меньшую, чем это представлялось тем коллегам в России, к которым я бросилась поделиться увиденным и услышанным и с которыми постепенно разошлась в позициях. Таким образом, конструктивизм (возможно, на тех ранних этапах его можно назвать наивным или интуитивным) стал для меня органичным способом понимания мнений и поступков доверившихся мне людей — способом гораздо более адекватным, чем постоянные апелляции в поле к их этничности (в данном случае — русскости)⁴⁵ и использование “общинности”, “диаспорности” и других группо-(этно)центричных моделей как установочных и объяснительных.

Теперь, описав субъективные и объективные трудности «внутрицевого» диалога и свою концептуальную позицию, из которой вытекает своего рода промежуточность моего положения в профессиональном сообществе, сформулирую еще одну цель создания данной книги (кроме чисто содержательных). Это заочная дискуссия с коллегами из разных лагерей, не ограниченная ни временем (как на конференции), ни «бумажным пространством» (как в журнальных публикациях); анализ их аргументов и представление собственных, вытекающих из анализа разнообразного полевого материала. Возможно, таким образом удастся хоть в какой-то степени преодолеть фрагментарность и «клубность» в наших рядах, дать новый толчок научной дискуссии и поколебать отношение к научным концепциям как к символу веры.

Русскоязычные — это не монолит, парящий в воздухе

Если **первая** и **вторая** концептуальные предпосылки исследования являются предметом научных споров и потому их обоснованию было уделено во введении значительное место, то **третья** и **четвертая**, наоборот, социологически более очевидны.

Так, **третья предпосылка** состоит в том, что русскоязычные представляют собой **сообщество, дифференцированное** по широкому спектру характеристик «бытия», «сознания» и поведения. Как показывают наши опросы, существует, в частности, устойчивый водораздел между «желающими остаться» и «желающими уехать». Различия этих двух групп не наблюдаются по большинству «анкетных», фактологических признаков (возраст, образование, брачный статус, жилищные условия

и т. п.) и воспроизводятся при переходе к оценочным вопросам. Линии разграничения проходят и по таким чувствительным в социокультурном и этнополитическом отношении зонам, как восприятие России, представление о родине, гражданские лояльности. Миграционисты спорят о соотношении и динамике ключевых факторов выталкивания — экономического и этнического⁴⁶ (разные исследователи называют последний то этнической дискриминацией, то чувством этнического дискомфорта, то угрозой безопасности этнической идентичности). Между тем в гетерогенном русскоязычном сообществе эти факторы, воздействующие на поведение людей (в том числе и на миграционное), неизбежно распадаются на многие составляющие, по-разному воспринимаемые человеком в зависимости от его/ее социально-демографического статуса и материального положения; от социально-психологического портрета личности, накопленного ресурсного потенциала и т. д. Иными словами, имеет значение, например, какой пост занимал тот или иной человек, чем он занимался раньше и на что претендует в новых условиях, как далеко простираются его амбиции; важны его/ее контактность, склонность к межкультурному общению и т. п. Отсюда, как будет показано в книге, и заметная субъективность восприятия русскоязычными условий и обстоятельств жизни в национализирующемся государстве; избирательность воздействия «этнического» на их поведение. Это тем более важно подчеркнуть, что в Киргизии, как и в других бывших республиках, не действуют, подобно Латвии и Эстонии, факторы объективного, с помощью правового механизма, «исключения» (*exclusion*) значительной части русскоязычных.

Наконец, и это **четвертая предпосылка исследования**, проблемы русскоязычных ближнего зарубежья, которые вряд ли можно считать уникальными, необходимо поместить **в более широкий контекст трансформации постсоветских обществ** и приспособления их граждан к новым социально-экономическим, политическим и культурным реалиям. При этом «этническое», присутствуя в том или ином обличии и на российской территории, становится лишь одной из составляющих сложного процесса адаптации.

Материалы и методы

Чем «мягче», тем лучше

Завершая вводную часть книги, остановлюсь подробнее на методологии исследования, а также на особенностях его эмпирической базы.

Книга является одной из первых в России, где проблемы русскоязычного населения в бывших республиках и, шире, этносоциальные

процессы на постсоветском пространстве рассматриваются в основном на материале, собранном методами «мягкой», или качественной социологии⁴⁷. Таких книг пока мало и на Западе⁴⁸, хотя в исследованиях другой «советологической» тематики зарубежные ученые часто прибегают к качественным методам, что естественно, ведь они давно уже стали там общепризнанной социологической процедурой. В России же подобные работы все еще редкость, и почти все они являются либо плодом совместной деятельности российских и западных ученых, либо написаны исследователями, получившими образование на Западе, а их тематика охватывает в основном те срезы социальной действительности и те способы ее познания, которые в советское время практически не изучались и не использовались (гендерные отношения, воссоздание истории страны через историю семей, конструирование этничности)⁴⁹. Все это свидетельствует о том, как трудно прививается качественная методология на российском социологическом древе. Ситуация усугубляется прочностью междисциплинарных перегородок и неразвитостью традиций диалога между учеными разных специальностей.

Не буду включаться здесь в извечный спор «количественников» и «качественников», поскольку при разговоре «вообще» в нем не может быть победителя, и тем более «сталкивать лбами» социологию с сопредельными науками. Но, оставаясь в рамках избранной дисциплины, я глубоко убеждена, что **при исследовании положения русскоязычных в постсоветских государствах наиболее продуктивными могут быть именно качественные методы**. Анкетные же опросы, в первую очередь их «закрытая» часть, являются полезным, но вспомогательным инструментом, дающим первоначальное представление о состоянии массового сознания и ориентиры для последующей его проверки и корректировки в непосредственном и не скованном анкетой общении с людьми. Вот несколько аргументов в поддержку этой позиции.

Мы имеем дело с группой, не просто вынужденно адаптирующейся, как и все жители постсоветских государств, к кардинально новым реалиям. В дополнение ко всем возможным вариантам поведения, имеющимся, скажем, в России, перед русскоязычными постоянно маячит еще одна возможность — миграция. По мере спада миграционного ажиотажа выбор становился все более индивидуализированным, и лучше было дать людям поразмышлять на эту тему во время глубинного интервью или задать открытый вопрос в анкете, нежели побуждать их выбирать, как это нередко делалось во время опросов, из достаточно искусственных утверждений типа: «скорее нет, чем да (уеду)», «уеду через два года» и т. п. На мой взгляд, в немалой степени из-за подобной тактики опроса так и не реализовались «миллионные» прогнозы масштабов переселения русскоязычных в Россию.

Мы имеем дело с группой, открытой для общения (особенно это было типично для первых постсоветских лет), испытывающей потребность «выговориться» на те темы, которые затрагиваются в этой книге и в других с похожей тематикой. Звонок или стук в дверь, вопрос «Кто там?», и мои слова «социолог из Москвы» становились заветным ключиком, открывающим для меня двери не только домов и квартир, но и внутреннего мира человека. Попробуйте-ка проделать это в Москве! Причины такой готовности быть опрошенными во многом чисто местные. Например, открытость и гостеприимство (мой главный интервью-стресс в осеннем Бишкеке, где очень рано темнело, был обычно связан с невозможностью вежливо отказаться от чаепития, неизменно предлагаемого во время и после беседы и донельзя удлиняющего всю процедуру). Нельзя сбрасывать со счетов и интерес к России, и уважение к тому, что «человек аж из самой Москвы приехал!». Но есть и причины общепсихологические — люди, если они не напуганы и не утомлены навязчивостью интервьюеров, охотно откликаются на проявления интереса к своей жизни, к своему мнению, и свободное общение является для них наиболее предпочтительным. Западные социологи-«качественники» использовали это обстоятельство на все сто процентов, теперь для этого есть все возможности и в России, хотя теоретически они были и у советских социологов. Интересно в этой связи замечание Ольги Масловой, относящееся к 1960-м гг., когда социология в СССР начала выходить из небытия: «Одно из самых сильных впечатлений от моего личного опыта работы интервьюером связано с ощущением, что знакомство с вопросником, где все ответы уже написаны заранее, разочаровывает респондента. Казалось, что давая согласие на интервью, респондент ожидал, что с ним будут беседовать не по “бумажке-шпаргалке”, а так же, как беседуют ведущие телепрограмм с интересными или знаменитыми людьми»⁵⁰.

Далее. **Мы имеем дело с тематикой**, затрагивающей чувствительные зоны отношений между людьми, а также эмоциональные переживания и трудно поддающиеся рациональному словесному оформлению (в той же в анкете) представления, касающиеся внутреннего мира человека (сюда входит понятие родины; все, что связано с поиском и сменой идентификационных и ценностных ориентиров, а также с выработкой жизненных целей и пр.). Причем все это относится к людям, живущим, скажем, не в тихой и стабильной Голландии, а в стране, где еще не так давно все вздыбилось, обвалилось или повернулось на 180 градусов!

Наконец, **мы имеем дело с тематикой**, сильно политизированной и идеологизированной, а в этих условиях использование закрытых методик является удобным способом (хотя не всегда к нему прибегают сознательно, а скорее по сложившейся традиции) для внедрения в массовое сознание тех клише, которые были сконструированы поли-

тиками, активистами «этнических» организаций и ангажированными исследователями, с последующим предъявлением их публике как «мнения народа».

Таким образом, моей главной задачей во время работы в «поле» было свободное общение с людьми, хотя от экспедиции к экспедиции упор делался на различные типы интервью; менялись также целевые группы и соотношение качественных и количественных методов.

«Поле»: отчет о проделанной работе

В 1992 г., во время краткой пилотажной поездки в Иссык-Кульскую область в составе совместной научной экспедиции Института востоковедения РАН и Межинститутского центра цивилизационных исследований, произошло первое знакомство с этнокультурной и социально-политической ситуацией в Киргизии сразу после распада СССР. В с. Корумду, преимущественно киргизском, была проведена «обкатка» анкеты, в составлении которой большую помощь оказали сотрудники Центра Аида Мосейко, Дмитрий Бондаренко и Татьяна Евгеньева. Мы проинтервьюировали небольшую группу представителей титульной группы, в основном сельской интеллигенции, а также установили контакты с живущими в селе «русскими» семьями. В 1993 г. мне довелось приехать в Северное Прииссыккулье уже на месяц в качестве руководителя аналогичной экспедиции. Поскольку работа проводилась по программе «Портрет восточного села», ее объектом стали в первую очередь различные группы населения, проживающего в двух почти моноэтнических (киргизских) селах — Темир и Корумду (в ходе интервьюирования 74 человек в сумме было заполнено 426 различных анкет)⁵¹. Хотя основное внимание мне пришлось уделить руководству экспедицией, работе с анкетерами и т. д., именно в тот период я начала вплотную знакомиться с «русскоязычной» проблематикой. Вместе с Ириной Костюковой, младшим научным сотрудником Института востоковедения, мы жили некоторое время в одной из русских семей с. Григорьевка; нам удалось побеседовать с 11 представителями местного русскоязычного сообщества (формализованное интервью сочеталось с элементами полуструктурированного глубинного интервью). Первая интерпретация увиденного и услышанного изложена мной в двух статьях⁵². Многое в них, правда, уже подернуто дымкой времени — уж очень динамично развивалась ситуация в бывших советских республиках все эти годы, а также подверглось естественному переосмыслению в ходе последующей работы над темой.

Экспедиция 1994 г., проведенная в рамках международного научного проекта «Этническое сознание и этнические конфликты в рес-

публиках бывшего СССР» (при финансовой поддержке «Форума совместной безопасности»), была уже прямо нацелена на изучение проблем русскоязычного населения. Миграция из стран Центральной Азии нарастала, ощущалась напряженность в отношениях людей, их тревога о будущем, особенно заметные на уровне села (зафиксированные в полевых дневниках трех первых экспедиций наблюдения помогли мне воссоздать непростую атмосферу начала 1990-х гг. — в главе книги «Анатомия “бытового национализма”»). Однако, готовясь к поездке вместе с группой коллег из Института востоковедения (Сергей Панарин, Анатолий Вяткин, Ирина Соя-Серко), при содействии которых была коренным образом переработана и переориентирована на русскоязычных предыдущая анкета, мы решили не делать исследование исключительно миграционным. Анкета, подготовленная в двух вариантах (для горожан и сельских жителей), состояла из 54 вопросов, часть которых задавалась отдельно «тем, кто уезжает», и «тем, кто остается» — еще в 1993 г. стало понятно, что готовящиеся к отъезду отнюдь не составляют большинства русскоязычных Киргизии. В ней был «экономический» блок, большой блок вопросов об этнолингвистической ситуации и динамике отношений между «русскими» и киргизами. В 1994 г. прошла проверку «полем» группа деликатных и нелегких для восприятия открытых вопросов об образах «мы» и «они», а также о характере межкультурного обмена между двумя группами. Впоследствии, в 1996 г., они задавались во время достаточно объемного обследования жителей Бишкека и стали основой для написания главы 2 разд. III — «Чем мы были друг для друга?».

Анкета 1994 г. не предназначалась для сколько-нибудь массового опроса с помощью интервьюеров. Поездка мыслилась как пилотаж; главной научной целью было «прощупывание» настроений различных групп русскоязычных в период миграционной паники и всеобщего смятения умов, а связанной с ней более утилитарной задачей — корректировка анкеты, которую предполагалось расширить за счет введения значительного числа открытых вопросов и использовать в дальнейшем на регулярной основе. Совместно с И. Костюковой с опорой на анкету были проинтервьюированы 45 жителей Бишкека, «русского» с. Григорьевка и поселка городского типа Комсомол в курортной зоне Иссык-Куля, отобранных методом «снежного кома» (такое интервью перерастало во многих случаях, при возникновении доверительного контакта, в глубинное). Часть времени, проведенного в Бишкеке, была посвящено изучению русскоязычной прессы, что положило начало моему обширному собранию тематических досье, пополнявшихся во время каждой последующей поездки в Киргизию.

Экспедиция 1996 г. состоялась в рамках международного научного проекта «Постсоветские миграции и межэтническая напряженность:

концептуализация взаимодействия», реализованного в 1995–1997 гг. при поддержке фонда ИНТАС. Главной задачей нашего более чем месячного пребывания в Бишкеке (совместно с И. Костюковой) было проведение массового опроса по существенно переработанной анкете, содержащей 62 вопроса (из них более 20 — открытые, не считая стандартных, относящихся к так называемой паспортичке). Меньшая часть вопросов была посвящена планам и причинам миграции, большая — условиям и обстоятельствам жизни людей (в динамике) и их восприятию складывающейся в стране экономической, этнополитической и этносоциальной ситуации.

Опытными интервьюерами (сотрудниками Центра социальных исследований Национальной академии наук Киргизии) было опрошено 304 русскоязычных жителей Бишкека. В большинстве случаев использовался метод саморегистрации (если респондент не выражал желания прибегнуть к помощи интервьюеров), при последующем контроле качества заполнения со стороны последних, их руководителя Айнуры Элебаевой и, наконец, автора книги. Само собой разумеется, что интервьюеры и при первом, и при последующем опросе были русскими (русскоязычными).

Ответы на закрытые вопросы после кодирования обрабатывались по системе SPSS, так же как и легко поддающиеся кодировке открытые вопросы фактологического и «паспортного» характера. Объемные массивы высказываний, отражающих оценки, восприятия, мотивации, предположения и пр., анализировались с использованием традиционных для качественной социологии методов кодирования, типологизации и пр.

Обстановка в Киргизии осенью 1996 г. явно демонстрировала тенденцию к стабилизации (на фоне резкого уменьшения миграционного оттока в середине 1990-х гг.) — об этом свидетельствовали визуальные наблюдения, огромный объем каждодневного общения с людьми — на бытовом и профессиональном уровне, знакомство с прессой и, наконец, сразу проявившиеся результаты самого опроса — доля «сидящих на чемоданах» оказалась очень незначительной, чего не скажешь о тех, кто намеревался «никуда не уезжать». Все четче оформлялась идея о необходимости «интеграционистской» ориентации исследования. Так, 13 экспертных интервью, состоявшихся в 1996 г., были нацелены в первую очередь на выяснение глубинных причин спада миграций и возможностей/препятствий к интеграции русскоязычных. Всего же за четыре последние экспедиции и поездку 2003 г. я проинтервьюировала 29 экспертов, в роли которых выступили представители киргизской и «русской» интеллектуальной элиты (ученые и журналисты), а также активисты правозащитных и русскоязычных организаций, чиновники и политики (в том числе оппозиционные); сотрудники российского

посольства и представительства Федеральной миграционной службы. С некоторыми экспертами я беседовала по два-три раза (общее число экспертных интервью — 37).

Наиболее плодотворными по разнообразию и качеству собранного материала стали, на мой взгляд, две поездки в Бишкек в конце 1990-х гг., которые состоялись на этот раз уже в рамках моего индивидуального научного проекта «Русскоязычные в Киргизии: от миграционного бума к зарождению диаспоры?», поддержанного Фондом Дж. и К. Мак-Артуров. В 1998 г. с помощью выпускниц факультета социологии Бишкекского гуманитарного университета был проведен повторный анкетный опрос русскоязычных жителей столицы (325 человек) по уже опробованной схеме. Анкета состояла из 80 вопросов (из них 28 — открытые). Сами формулировки вопросов, в основном хорошо зарекомендовавшие себя в 1996 г., почти не менялись, чтобы обеспечить сопоставимость результатов двух опросов. Новая анкета дорабатывалась в основном путем добавления новых вопросов и расширения/снятия блоков. Так, был существенно увеличен «экономический» раздел; изъяты вопросы, обращенные к «пакующим чемоданы», ввиду их немногочисленности. Объектом моего особого внимания при доработке анкеты было обеспечение возможностей верификации путем сравнения ответов на близкие по смыслу открытые и закрытые вопросы.

Кроме того, в 1998 г. пребывание в Бишкеке было дополнено поездкой в Иссык-Кульскую область, в с. Григорьевка, где собирался материал о стратегиях экономической адаптации сельских русскоязычных семей.

Главной же моей задачей в 1998 и 1999 гг. было проведение глубинных интервью, но уже не с типичными представителями русскоязычных, а, следуя целям и логике исследования, с особыми их группами, жизненные практики которых могли по-новому высветить особенности адаптации членов изучаемого сообщества. В качестве таких групп были выбраны две: 1) «возвратные мигранты» — люди, переселившиеся в Россию после распада СССР, прожившие там несколько лет и затем вернувшиеся обратно в Киргизию на постоянное местожительство; 2) так называемые успешные — русскоязычные граждане Киргизии, не просто собирающиеся остаться, но и сумевшие реализовать стратегию социального продвижения и обеспечить себе достойный, по местным меркам, уровень существования (в основном за счет различных форм занятости в частном секторе экономики)⁵³. Всего во время полевых сезонов 1998 и 1999 г. было проинтервьюировано 35 человек (15 «успешных» и 20 «возвращенцев»). В первом случае использовалась методика проблемно-ориентированного глубинного интервью, в то время как во втором последнее сочеталось с нарративом (воссозданием истории двойного переселения).

Методология анкетных опросов

Обследование проводилось в условиях, делающих крайне затруднительным (или невозможным) использование наиболее распространенных способов построения представительной выборки — по вероятностному или квотному принципам, по крайней мере, в их стандартном варианте. В первую очередь это обуславливалось отсутствием надежных данных об основных параметрах исследуемой генеральной совокупности, в роли которой оба раза выступало русскоязычное население Бишкека. Этой цели идеально могли бы соответствовать вполне доступные материалы последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., дающие, как минимум, распределение основных этнических групп каждой республики по полу и возрасту. Однако мой первый опрос должен был состояться осенью 1996 г., после того, как Киргизия уже прошла через стадию высокой миграционной активности русскоязычных. К тому времени структура генеральной совокупности оказалась уже сильно изменившейся, но как именно — выяснить практически невозможно⁵⁴. Пренебречь этим обстоятельством допустимо было бы при обследованиях, проведенных в первые постсоветские годы или в странах, не переживших аналогичного миграционного бума. Примером многоступенчатых квотных выборок, опирающихся на перепись 1989 г., могут служить те, которые использовались при опросах русского и титульного населения нескольких государств ближнего зарубежья, организованных в первой половине 1990-х гг. группой сотрудников Института этнологии РАН под руководством С. Савоскула (в частности, опрос в Киргизии состоялся в 1992 г.)⁵⁵.

Проблема состояла и в том, что объектом исследования служило не все население, а лишь определенная его часть (русскоязычные), проживающие не компактно, по крайней мере, в городах, а вперемешку с представителями других этнических групп. Отсюда невозможность использовать, к примеру, списки избирателей для достижения искомой рандомизации отбора (например, по пошаговому принципу или какому-либо иному). Кроме того, мной было введено еще одно ограничение объекта исследования. Дело в том, что в рассматриваемых условиях пенсионеры преклонного возраста, а также проживающие с родителями и не имеющие своей семьи и самостоятельного источника доходов взрослые дети (школьники старших классов и студенты) не несут главного бремени при принятии решения «уехать или остаться», а также материальной ответственности за его реализацию. Перед пенсионерами изучаемых трансформирующихся обществ не стоят и главные адаптационные задачи — овладения титульным языком, смены профессии и места работы, что зачастую необходимо для выживания в рыночной экономике; социального продвижения и т. д. Поэтому

в качестве объектов наблюдения меня интересовали лишь мужчины и женщины трудоспособного возраста (начиная с 20 лет), преимущественно состоящие (или ранее состоявшие) в браке.

Другие исследователи также сталкивались с аналогичной задачей конструирования удовлетворительной выборки русскоязычного населения при неадекватном описании генеральной совокупности. Вот, например, как была решена эта задача Галиной Витковской, которая провела два раунда опросов в городах Киргизии, Узбекистана и Казахстана в 1994–1995 гг. и в 1997–1998 гг.: «Ввиду отсутствия статистических данных, необходимых для построения репрезентативной выборочной совокупности, обследование осуществлялось по случайной выборке: отбирались по случайным номерам жилые дома (за исключением ведомственных и т. п.) в разных районах города, затем проводился сплошной опрос нетитульных семей. Анкеты раздавались для самозаполнения с последующей проверкой и уточнением интервьюерами. На большинство вопросов анкеты отвечал один представитель семьи (по ее выбору). На вопросы о социально-демографических характеристиках... о владении языками и о степени владения коренным... языком страны проживания отвечали все члены семьи..., а о миграционных намерениях — все совершеннолетние ее члены»⁵⁶. Полученные таким способом данные экстраполировались автором на все русскоязычное население изучаемых стран и использовались для прогнозов миграционной активности русскоязычных в направлении России на пятилетку.

В моих опросах применялся похожий способ отбора респондентов, но с одной существенной разницей: не имея возможности **обосновать репрезентативность** своих выборок *apriori*, я предполагала **оценить эту репрезентативность** *aposteriori*: либо на основе публикуемых время от времени Госкомстатом Киргизии данных текущего учета населения в национальном разрезе, либо, самое главное, на основе готовящейся первой национальной переписи населения республики.

Итак, главной задачей при отборе респондентов стало обеспечение таких условий, «чтобы в принципе каждый представитель группы населения, мнение или поведение которой исследуется, имел равные с другими возможности попасть в выборку»⁵⁷. Все районы массовой жилой застройки Бишкека были распределены между интервьюерами; русскоязычные нужных возрастных и социально-демографических групп опрашивались в случайно отбираемых многоквартирных домах, по одному человека в доме (или в подъезде, если дом очень большой). Использованный Г. Витковской принцип сплошного опроса в одном доме, пусть формально и не ведомственном, мне представляется не очень удачным: ранее, в период застройки, часть квартир могла заселяться по ведомственному принципу, и в них была возмож-

на нежелательная концентрация людей, имеющих хотя бы косвенное отношение к какому-то предприятию или организации.

Для того, чтобы минимизировать вероятность накопления в массиве работающих вне дома или, наоборот, тех, кто проводит там значительную часть времени (например, домохозяйки), интервьюеры проводили опрос днем и в вечерние часы; по будним дням и по выходным.

Избранный мной принцип «одна семья — один голос» также представляется мне предпочтительным (напомню, что в опросах Г. Витковской применялся смешанный подход — семью представлял один человек по ее выбору, а на вопрос о миграционных намерениях отвечали все взрослые члены семьи). На мой взгляд, если предоставить семье выбор отвечающего «на большинство вопросов анкеты», то тут возможны смещения выборки по полу и возрасту — в сторону мужчин, в силу стереотипного восприятия их главами семей, или в сторону пожилых людей, располагающих обычно бóльшим свободным временем. При этом Г. Витковская, как уже указывалось, не только не сравнивает параметры своих выборок с генеральной совокупностью (хотя бы *aposteriori*), но и не приводит в своих работах данных о таких их базовых характеристиках, как половой и возрастной состав.

Далее, как показывает мой полевой опыт, пусть в семьях и случаются серьезные расхождения, например, между супругами, по важнейшему вопросу отношения к миграции, все же нормой является относительное согласие и, самое главное, происходит неизбежное при совместной жизни взаимовлияние позиций. Вот почему более надежные ответы на данный вопрос можно получить, на мой взгляд, опрашивая лишь одного случайно «вынутого из мешка», если прибегнуть к вероятностной терминологии, представителя той или иной семьи. Кстати, в обследованиях под руководством С. Савоскула применялся именно этот принцип («одна семья — один голос»), а «в многоквартирном доме можно было анкетировать не более пяти человек»⁵⁸.

Перейдем теперь к оценке репрезентативности выборочных совокупностей. Поскольку респондентами могли стать представители любых «пришлых» русскоязычных этнических групп, населяющих Киргизию, результаты 1996 г. представилась возможность проверить с помощью полученных уже после опроса данных текущего учета о национальном составе населения Бишкека (на 1996 г.). Их соответствие параметрам генеральной совокупности оказалось достаточно высоким: среди всех русскоязычных города собственно русских было 85,0%, затем следовали две самые крупные, после русских, «европейские» этнические группы — украинцы (7,8%) и татары (4,5%)⁵⁹. В выборке оказалось 84,2% русских, 5,3% украинцев и 3,6% татар, а также, на уровне долей процента (как и в генеральной совокупности) — немцы, корейцы, евреи, белорусы и ряд других.

Подобный результат позволил воспроизвести прежнюю методику во время опроса осени 1998 г., и новая выборка затем была соотнесена с данными состоявшейся в марте 1999 г. переписи населения. Два события разделяло всего несколько месяцев, а уровень миграций в тот период был очень низким. Сравнение осуществлялось по трем базовым социально-демографическим параметрам — **национальность, пол и возраст**.

Перепись отразила некоторое понижение доли русских в сравнении с 1996 г. (до 82,2%) как среди всех жителей города, так и групп, относящихся к русскоязычным (по выборке — 83,6%); затем опять следовали украинцы (5,2% по переписи и 7,1% по выборке) и татары (соответственно, 5,1% и 3,1%). Из представленных в выборке долей выше одного процента этнических групп стоит назвать корейцев (4,1% у них и 1,9% у меня) и немцев (соответственно, 1,7%⁶⁰ у них и 1,9% — у меня).

По полу население Бишкека (русские) распределялось на момент переписи следующим образом: 44,1% мужчин и 55,9% женщин⁶¹; по выборке, соответственно, 45,5% и 54,5%.

Посмотрим теперь на возрастную структуру двух совокупностей. Пересчитанные данные переписи⁶² (по нужным мне пятилетним возрастным интервалам) сравниваются со всей выборкой 1998 г., а затем лишь с ее «русской» частью (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, за исключением незначительного смещения выборки по доле 45–49-летних, по остальным возрастным группам она вполне удовлетворительно отражает структуру изучаемой генеральной совокупности, устойчиво воспроизводя оба раза те «ямы», которые хорошо заметны в интервалах 30–34 года и 50–55 лет. Смещения по краям изучаемого возрастного спектра были вполне ожидаемы и связаны со спецификой объекта исследования. Так, в первом случае (самой молодой группы) это произошло за счет того, что не опрашивались встречающиеся интервьюерам студенты (20–24 года — самый студенческий возраст); во втором случае — из-за ориентации

Таблица 1

**Возрастная структура выборочной
и генеральной совокупностей (1998 г. и 1999 г.)**

Интервалы (лет)	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59
Перепись (в %)	15,2	14,0	10,9	13,4	13,9	13,6	10,4	8,6
Выборка (р/яз.), в %	12,0	15,1	8,8	16,9	13,8	19,8	10,7	2,8
Выборка (русские), в %	10,3	15,1	8,5	16,2	15,1	19,1	11,4	2,2

исследования на трудоспособное русскоязычное население (об этом уже говорилось выше).

Приведенные данные позволяют *post factum* достаточно высоко оценить репрезентативность выборки 1998 г. по базовым социально-демографическим параметрам; отсюда, поскольку оба опроса проводились по одинаковой схеме, также можно оценить (в ретроспективе) и качество первого массива.

При опросе соблюдались важнейшие условия подобных социологических процедур: анонимность и добровольность. Контакты с людьми осуществлялись в основном по месту жительства (в квартирах или, в нескольких случаях, во дворах: например, мамы, гуляющие с детьми). По договоренности встреча могла проходить и на рабочем месте, но это было скорее исключением, чем правилом. Тут я не вполне согласна с подходом С. Савоскула и руководимой им группы: «для усиления атмосферы доверия опрос (кроме Украины) в большинстве случаев проводился не по месту жительства, когда к человеку домой приходит незнакомый ему интервьюер, а на работе... На Украине проведение анкетирования на дому стало возможным в силу меньшей (по сравнению с другими обследованными странами) напряженности межэтнических отношений»⁶³. Как показывает мой богатый опыт непосредственного общения с людьми разной этнической принадлежности в постсоветской Центральной Азии, когда мне самой приходилось много раз стучаться в двери сельских домов и городских квартир, даже в самый сложный период начала 1990-х гг. степень доверия и открытости людей, их склонность к общению были весьма высокими. На рабочих же местах далеко не у всех была возможность уединиться с интервьюером в отдельном кабинете. Именно поэтому «домашний» вариант был выбран как наиболее предпочтительный, при условии, что отвлекающие факторы (наличие других членов семьи, гостей; включенный телевизор и пр.) были нейтрализованы. Описанные условия (за исключением анонимности) соблюдались мной и при проведении глубинных интервью с целевыми группами русскоязычных и с экспертами.

Отказов от участия в опросах было крайне мало. Люди отказывались в основном (в нескольких случаях) от последующего глубинного интервью (выполняя мои инструкции, интервьюеры при встрече с человеком, который мог заинтересовать меня в качестве члена целевой группы, спрашивали о возможности еще одной встречи для более подробной беседы с автором книги). Созданию атмосферы открытости и доверия способствовал и тот немаловажный факт, что обследование было инициировано Российской академией наук, а не какой-либо организацией или учреждением в самой Киргизии (о чем респонденты узнавали и от интервьюеров, и из самой анкеты).

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что результаты опросов являются **достаточно представительными для русскоязычных Бишкека и русскоязычных горожан небольшой по размерам, но густо населенной столичной Чуйской области**, население которой тесно связано со столицей своими занятиями и жизненным укладом. Естественно, речь идет только об изучаемых социально-демографических группах — самых мобильных с миграционной точки зрения, но и обладавших в то же время наибольшим интеграционным потенциалом (в сравнении, например, с пенсионерами). Речь идет о группах, которые, приняв на себя основную тяжесть новых этнополитических вызовов, располагали, при прочих равных условиях, и определенными ресурсами для ответа на них уже тогда, а для учащейся молодежи это было вопросом будущего.

В силу особенностей размещения русскоязычных по территории страны, полученные данные могут служить **достаточно надежным индикатором мнений и настроений всего трудоспособного русскоязычного населения республики, прежде всего городского.**

Действительно, посмотрим на статистику. В 1996 г., по данным текущего учета, доля русскоязычных жителей Бишкека достигала 38,3% от **всех** русскоязычных республики (по русским — 40,7%)⁶⁴. По переписи 1999 г., проживающие в столице русские составляли 41,8% от **всех** русских Киргизии и 63,8% — от всех ее русских горожан⁶⁵. Аналогичные тенденции наблюдаются и в размещении других наиболее крупных русскоязычных этнических групп. Так, в 1999 г. в Бишкеке проживало 57,6% горожан-украинцев и 44,0% татар⁶⁶. Показателен и следующий момент: исторически сложилось так, что русскоязычное население Киргизии концентрировалось на севере страны, в плодородной Чуйской долине и, по мере становления и развития городов, в столице и городах одноименной столичной области. Перепись 1989 г. зафиксировала, что в Бишкеке и Чуйской области проживает 73,8% всех русских страны и 72,8% — всех городских русских⁶⁷. За годы экономических трансформаций и высокой миграционной активности, которая внутри страны была направлена в основном с примыкающего к Узбекистану «проблемного» юга к более спокойному и индустриально развитому северу, эта тенденция еще более усилилась. В 1999 г. в означенных регионах сконцентрировалось уже 82,7% всех русских Киргизии и 82,5% — всех ее городских русских⁶⁸.

Наконец, несколько слов о возможности экстраполяции «городского опроса» на все трудоспособное русскоязычное население страны (опять же, проживающее на севере). Тут стоит отметить два момента. Во-первых, в силу особенностей освоения Центральной Азии русскими и другими «европейскими» этническими группами, они оседали преимущественно в городах, и лишь Киргизия и в какой-то

степени Казахстан выделялись на этом фоне из-за значимых масштабов крестьянской колонизации. Но все равно доля русских горожан была здесь весьма высокой; в частности, 70% по переписи 1989 г. (для сравнения — 77% в Казахстане, 94–97% в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении⁶⁹). Во-вторых, несмотря на вполне понятные различия в стратегиях экономической адаптации сельских и городских русскоязычных, мой полевой опыт показывает, что существенного водораздела между двумя этими группами по настроениям и предпочтениям не наблюдается. К аналогичному выводу пришел и С. Савоскул: «С точки зрения этносоциальных и этнополитических процессов развитие русского сельского населения в странах нового российского зарубежья в целом следует в том же русле, в котором происходит развитие местного русского городского населения. Об этом, в частности, свидетельствуют наши материалы по Киргизии и Молдавии, в которых наряду с русскими горожанами были также опрошены представители русского сельского населения»⁷⁰.

Оценивая достоверность данных, полученных в результате опросов, надо иметь в виду, что речь не идет о единовременном мероприятии, каковыми обычно бывают такого рода количественные обследования (постановка задачи — «замер» — анализ). Мы имеем дело с принципиально иной ситуацией и в том смысле, что здесь отсутствовала обычная для массовых опросов общественного мнения дистанцированность и даже некоторая изолированность организаторов/аналитиков от изучаемой социальной реальности и непосредственных носителей знаний о ней. Опросы стали хотя и важной, но лишь частью комплексного многоэтапного исследования, в котором ключевой участвующей фигурой является автор книги. Мнения русскоязычных, выявленные в ходе анкетирования, хорошо корреспондируют с оценками экспертов и содержанием глубинных интервью, а также с тональностью газетных дискуссий (в динамике) и значительным объемом зафиксированных в полевых дневниках наблюдений. Имеется в виду и включенное наблюдение за жизнью русскоязычных и киргизских семей Бишкека и сел Иссык-Кульской области — во время экспедиций я жила только в семьях и никогда — в гостинице.

Кроме того, я постоянно сверяла свои выводы с результатами работы коллег, прежде всего западных, поскольку их теоретическая мысль, не скованная, как правило, политическим «интересом», работала там заметно продуктивнее, чем в России (что, впрочем, не означает моего полного согласия с их идеями). Собственно, рассмотрение разнообразных аспектов положения русскоязычных в контексте современного западного и российского дискурса было одной из главных целей работы. На мой взгляд, результаты исследования, выявляющие и объясняющие сдвиги в идентичности и поведении «русских», опти-

мально вписываются в господствующее в мировой науке восприятие этих сообществ как неотъемлемого элемента этнополитического и социокультурного ландшафта новых независимых государств — и в настоящем, и в будущем. Подвижки в данном направлении происходят и в России, но очень медленно и лишь в самые последние годы (подр. см. главу 1 разд. I).

Все сказанное, конечно, не значит, что содержащиеся в книге выводы и интерпретации более частного порядка «окончательны и обжалованию не подлежат». Вряд ли этого можно ожидать от работы, которая является во многих отношениях (в методологическом, тематическом и концептуальном) освоением целины и пытается расшатать монополизм одной идеи. Здесь больше вопросов и предположений, чем готовых ответов; больше движения по тонкому льду, нежели по дорожке, комфортно выложенной каменными плитами. В каком-то смысле это очень «открытое» исследование, пытающееся увидеть социальную реальность как можно более многовариантной, в том числе и перспективы отдельного человека и тех сообществ, членом которых он является. Мне очень близки поэтому замечательные слова известного британского ученого Зигмунта Баумана (*Zygmunt Baumann*) о природе социологии, которая «...на редкость плохо приспособлена к такому занятию, как “запирание” и “опечатывание”... Социологическое мышление, по меньшей мере, подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни... и, если говорить прямо, социология прибавляет неопределенности, поскольку подрывает усилия “заморозить поток” и захлопнуть все входы и выходы»⁷¹.

* * *

Представляя на суд читателей настоящую книгу, я хорошо понимаю, что все, связанное с судьбой русскоязычных и, шире, с отношениями различных культурно отличительных групп в бывших союзных республиках, представляет собой тему весьма болезненную и деликатную. Это существенно затрудняет ее непредвзятое осмысление и интерпретацию собранных к настоящему времени эмпирических данных. Здесь переплетаются национальные интересы государств; властные устремления партий и общественных движений; амбиции и просто человеческие пристрастия отдельных политиков и ученых и, конечно же, чаяния, переживания, а зачастую и страдания обычных людей, разделенных (а зачастую искусственно разделяемых) по этническому признаку. Кроме того, я далека от мысли, что добросовестное применение каких-либо методов в рамках избранной ученым дисциплины,

пусть даже он/она беззаветно ей преданны, делает его труд, как надеется Надежда Лебедева, похожим на «полусакральную работу Творца»⁷². Пресловутая же «объективность» в социальных науках, на мой взгляд — это лишь постоянное стремление достичь линии горизонта, до которой, казалось бы, рукой подать.

В силу названных обстоятельств мое исследование, повторюсь, ни в коей мере не претендует на «истинность» и воссоздание «объективной картины субъективного мира». Но я приложила все силы к тому, чтобы выводы и оценки, полученные в результате почти десятилетнего изучения отношений между «русскими» и киргизами, стали максимально приближенным к реальности и непредвзятым взглядом ученого «со стороны»; чтобы они были свободны от эмоционального морализаторства, не потеряв в то же время моей искренней симпатии ко всем участникам этого непростого диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: *Брубейкер Р.* «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // *Дiasпоры.* М., 2000. № 3. С. 6–11; к концепции американского ученого мы вернемся также в главе 2 разд. IV. Данный термин, грамматически означающий нечто пребывающее в становлении и развитии, представляется более предпочтительным, чем часто используемые в российской литературе характеристики новых независимых государств как этнократических или этноцентристских — постсоветские страны находятся на различных стадиях процесса, потому его проявления и интенсивность «национализации» существенно разнятся.
- ² Последний год перед вступлением в силу 1 июля 2002 г. нового закона Российской Федерации о гражданстве, существенно усложнившего получение этого статуса гражданами бывшего СССР.
- ³ В 1994 г. из пяти стран Центральной Азии, основных поставщиков вынужденных мигрантов, в Россию прибыло 625,3 тыс. чел., в 1995 г. — 442,5 тыс., в 1996 г. — 297,1 тыс., в 1997 г. — 328,8 тыс., в 1998 г. — 291,5 тыс., в 1999 г. — 210,6 тыс., 2000 г. — 199 тыс., в 2001 г. — 112,0 тыс., в 2002 г. — 104,3 тыс. и, наконец, в 2003 г. — 69,6 тыс. человек (Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. (статистический бюллетень). М., 1996. С. 23; Численность и миграция... в 1996 г. М., 1997. С. 32; Численность и миграция... в 1997 г. М., 1998. С. 23; Численность и миграция... в 1999 г. М., 2000. С. 32; Численность и миграция... в 2001 г. М., 2002. С. 42; Численность и миграция... в 2003 г. М., 2004. С. 44). Небольшой рост в 1997 г. был вызван исключительно миграцией из Казахстана, где русскоязычные, скорее всего, отреагировали таким образом на повышение пенсионного возраста и некоторые нововведения в сфере высшего образования.
- ⁴ Как отмечалось в одной из публикаций Московской исследовательской программы по миграции, «понижение уровня толерантности принимающего российского населения нашло отражение и в результатах выборов в Государственную Думу... 7 декабря 2003 г., на которых около 21% российских избирателей отдали голоса партиям, проповедующим национал-патриотические идеи, тогда как на предыдущих выборах в 1999 г. — лишь немногим более 5%» (Открытый форум МОМ. Информационная серия. Вып. 6. М., декабрь 2003 г. С. 2).

- ⁵ Впрочем, значимость «дистанции» и этнокультурных различий как таковых не стоит, на наш взгляд, абсолютизировать. Как показывает пример Киргизии, основные вызовы благополучию русскоязычных в Центральной Азии (в отличие, скажем, от стран Балтии) сместились к концу XX — началу XXI в. в сторону «экономики» и иных факторов, затрагивающих судьбы всего населения (исламский экстремизм, политическая нестабильность и т. п.).
- ⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 32, 33.
- ⁷ См., напр.: *Каннелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 219.
- ⁸ *Кронгардт Г. К.* Население Кыргызстана во второй половине XIX — начале XX в. Бишкек, 1997. С. 33.
- ⁹ *Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре // Центральная Азия и Кавказ. Luleå, 1999. № 2(3). С. 202 (статья вторая).
- ¹⁰ *Вишневский А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 259.
- ¹¹ В англоязычной литературе ему соответствуют по смыслу два широко используемых термина — «*Russian-speakers*» и «*Russophones*».
- ¹² *Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре... С. 202.
- ¹³ См.: *Градировский С.* Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. № 2-3. М., 1999. С. 42.
- ¹⁴ Хотя смысловая нагрузка на эти слова в сугубо историческом контексте очень велика, они должны восприниматься с определенной мерой условности, когда мы переходим к современности и ведем речь о политических и социальных правах различных титульных групп той или иной страны ближнего зарубежья, об их самоидентификации и о восприятии их титульным населением, в особенности его элитами (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в третьем и заключительном разделах книги).
- ¹⁵ Делая акцент на последнем моменте, С. Панарин, например, называет русскоязычных «детьми империи», что, на мой взгляд, правильно по сути, но из-за своей броской метафоричности не годится как постоянно используемый рабочий термин (см.: *Панарин С.* Этническая миграция в постсоветском пространстве // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М., 1999. С. 61). Возвращаясь к формулировке С. Градировского, я бы предложила говорить не о важности термина для одних целей и ложности или вредности для других, а более научно — о **необходимости** его в одних контекстах (именно таким является анализ этносоциальной и этнополитической ситуации в новых независимых государствах) и, возможно, о **недостаточности** в других (например, при выяснении того, кто такие «соотечественники»).
- ¹⁶ *Смирнова С., Алкнис В.* Россия принимает соотечественников // Содружество НГ. М., 2000. № 11. С. 2.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Градировский С., Тупицын А.* Диаспоры в меняющемся мире // Содружество НГ. 1998. № 7. С. 1, 6.
- ¹⁹ См., напр.: *Айрапетова Н.* Перепись русских общин продолжается. Диаспора намерена объединить усилия // Независимая газета. М., 2000, 16 декабря.
- ²⁰ Валерий Тишков, также обративший внимание на развитие «русского этнонационалистического проекта» в российских СМИ, отмечает, что его поборниками не обязательно могут быть этнические русские, и называет в качестве примера Н. Айрапетову и Наталью Арт (см.: *Тишков В. А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 339, 349).
- ²¹ *Кудрявцев В.* Ловушка интеграции. Объединение на советский манер противоречит интересам России и русского народа // Независимая газета. 1996, 25 июня.
- ²² См.: Стратегии развития диаспоры. Собрание «русского мира» на задворках СНГ-дипломатии // Содружество НГ. 1998. № 5. С. 5.

- ²³ Всего было проанализировано 318 публикаций, из них 147 — появившихся в российской прессе. См.: *Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Cornell University Press, Ithaca & L., 1998. P. 269.
- ²⁴ Результаты этих опросов отражены, в частности, в следующих работах: Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. М., 1994; Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах. Отв. ред. С. С. Савоскул. М., 1996; Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки. Отв. ред. А. И. Гинзбург. М., 1995; *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация? Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1998 (эти книги базируются на результатах опросов в Киргизии, Молдавии, Литве и Эстонии, организованных сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН). См. также: *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. Изд. второе. М., 1997 (обследования русских в Казахстане, Узбекистане, Эстонии, Литве, Азербайджане, Армении и на Украине); *Субботина И. А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., 1998; *Панарин С.* Молодежь, национализм и безопасность (по материалам опросов в России и Казахстане // *Вестник Евразии*. М., 2000. № 3; *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001, и др.
- ²⁵ *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья... С. 17.
- ²⁶ *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии... С. 10.
- ²⁷ Если взять Киргизию, то в среднем в период между 1989 и 1998 г. доля русских в общей численности прибывших в Россию на постоянное место жительства равнялась 70%, колеблясь в отдельные годы от 58,5 до 76,8% (подсчитано по: Миграция населения между Россией и государствами СНГ и Балтии в 1989–1998 гг. Неопубликованные материалы Госкомстата России. С. 1).
- ²⁸ Интересно, что педалирование таких различий (в том, что касается русскоязычных), свойственно и элитам национализирующихся государств, приспособившим советское идейное наследие к своим политическим интересам. Как пишет Доминик Арель, «в СССР паспортная система и практика проведения переписей помогли поддерживать миф о том, что республики были домом “сотен” национальностей. В постсоветский период те же приемы оказались... полезными для представления нетитульного населения более фрагментированным, чем оно на самом деле является...». И далее, в качестве примера: «...в странах Балтии в статистике переписи и других источниках продолжают отделять “русских” от “украинцев” и “белорусов”, поскольку это дает эффект снижения численности достаточно крупного русскоязычного меньшинства» (*Arel D. Demography and Politics in the First Post-Soviet Censuses: Mistrusted States, Contested Identities* // *Population*. P., 2002. Vol. 57. № 6. P. 815, 816).
- ²⁹ Из выступления В. Тишкова на семинаре «Трудовая иммиграция в Россию и проблемы толерантности» // Открытый форум МОМ... Вып. 6. С. 7.
- ³⁰ *Градиловский С.* Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой... С. 40.
- ³¹ См.: Независимая газета. 2001, 16 августа.
- ³² См., напр.: *Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Society. An Investigation of Latvia and Kazakhstan*. Ed. by P. Kolsto. Boulder, Westview Press, 1999.
- ³³ Это положение, в наиболее общем виде формулирующее суть процесса «деколонизации», вполне годится для целей современного анализа, но при исторических исследованиях, например, его нельзя понимать чрезмерно упрощенно как идею о полном и абсолютном доминировании русских на периферии в период Российской империи/СССР. Блестящий очерк различных фаз национальной политики на местах в советское время, само название которого призывает к неоднозначности трактовок («Русские в союзных республиках: доминирующая нация или меньшинство с недостаточными (*underprivileged*) привилегиями?»), можно найти в книге Пола Колсто о русскоязычных ближнего зарубежья (см.: *Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics (with a contribution by A. Edemsky)*. L., Hurst & Company, 1995.). Особый

- интерес представляет «кусочек» о брежневском периоде, показывающий, как и почему возникали сдвиги и трещины в прежних иерархиях на властном и «куличном» уровнях. См. также: *Aasland A. Russians Outside Russia: the New Russian Diaspora // The Nationalities Question in the Post-Soviet States. Ed. by G. Smith. L. & N. Y., Longman, 1996. P. 482; Payin E. The Disintegration of the Empire and the Fate of the «Imperial Minority» // The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics. Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich & E. Payin. Armonk, N. Y., 1994. P. 33–34.*
- ³⁴ Такого рода критика в адрес современных исследователей истории постсоветских государств была высказана Виктором Алексеенко в его статье «Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII — начале XX века» (Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 5).
- ³⁵ См., напр.: *Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 59; его же. Слова и образы в чеченской войне // НГ-Сценарии. М., 2000. № 11. С. 14.*
- ³⁶ *Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 145–146.*
- ³⁷ *Тишков В. Очерки теории и политики этничности... С. 65.*
- ³⁸ Тут уместным будет привести мнение Эрика Хобсбаума об изучении «национальных феноменов»: хотя они «в основном конструируются “сверху”, их «нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним “снизу”, с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более — националистическими по своей природе... Подобный “взгляд снизу”, т. е. восприятие нации не с точки зрения правительств или главных идеологов националистических (или не-националистических) движений, но глазами рядового человека, реального объекта их действий и пропагандистских усилий, уловить чрезвычайно сложно» (см.: *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 20, 21).*
- ³⁹ Усугубляет трудности анализа и то обстоятельство, что так называемое этническое маркирование — в принципе весьма распространенный феномен. Как отмечает Юрий Левада, «этнически маркируемыми — как извне, так и изнутри — могут, как известно из исторического опыта, в том числе новейшего, оказаться генетические, культурные, конфессиональные, региональные, языковые, расовые, регистрируемые и другие групповые признаки... Такая маркировка не только определяет “своих” по отношению к “чужим”, но и задает (в явной форме — в традиционных обществах, а в неявной — и поныне) иерархию ролевых и престижных позиций, социальных барьеров и дистанций» (*Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 432).*
- ⁴⁰ См.: «Этнографическое обозрение. М., 2003. № 1.
- ⁴¹ Там же. С. 16, 18.
- ⁴² См.: *Тишков В. А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 161.*
- ⁴³ «Понимание реальных людей возможно лишь при условии длительной и кропотливой полевой работы в изучаемой социальной среде, где исследователю приходится частично ресоциализироваться, чтобы добиться этого понимания. Отсюда и необходимость преимущественного использования важнейшего, на мой взгляд, метода социологического исследования — участвующего наблюдения, который может быть успешно дополнен нарративными интервью» (*Воронков В. За пределами публичного пространства (рефлексия социолога) // Неформальная экономика. Россия и мир. Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 91).*
- ⁴⁴ «В содержательном отношении “называние себя конструктивистом” сегодня стало уже почти бессмысленным. Такого рода идентичность оказывается оправданной лишь в “политическом” смысле и может служить (с обязательным добавлением указания конкретного “клуба по интересам”) только своеобразным маркером того типа ресурсов, которые могут быть мобилизованы с участием данного индивида» (*Фирсов Е.*

- Рецензия на книгу В. Попкова «Феномен этнических диаспор» // Диаспоры. 2004. № 2. С. 235).
- ⁴⁵ В данной связи вспоминаются различия в реакциях респондентов на такую «вводную» фразу, с которой обычно начиналось общение: «Я социолог из Москвы, изучаю жизнь русских в Киргизии, как она изменилась после распада СССР, и т. п.» и другую, которой я стала пользоваться позднее: «...изучаю, как изменилась жизнь людей в Киргизии...».
- ⁴⁶ В качестве примера работы, доказывающей главенство этнического над экономическим по отношению ко **всем** русскоязычным как таковым, см.: *Витковская Г.* Экономический фактор миграции из стран Центральной Азии: фон или доминанта? // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998.
- ⁴⁷ Пожалуй, пальму первенства следует отдать вышедшей в 2001 г. в Москве книге Ольги Брусиной «Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX в.». Население так называемых русских старожильческих сел (преимущественно в Узбекистане) изучалось, как пишет автор, «путем этнографического опроса, который велся в свободной форме» (с. 5). Впрочем, предмет, тематика и задачи этой книги и нашей работы кардинально разнятся.
- ⁴⁸ Видимо, одной из причин являются разнообразные трудности (культурные, языковые, финансовые, бытовые и пр.), неизбежно сопровождающие длительное проживание в изучаемом сообществе (в его постсоветском варианте) и интенсивное общение с его членами. Западные работы по теме «русские в ближнем зарубежье» написаны, как правило, на материале массовых репрезентативных опросов и/или серий экспертных интервью, в основном с активистами движения «соотечественников». Из общего ряда выделяется ранее упомянутая монография Д. Лейтина, известного своими исследованиями в области социолонгвистики. Наряду с организацией ряда масштабных опросов в нескольких странах, он сам, выучив предварительно русский язык, осуществил несколько довольно длительных «погружений» в изучаемую среду, наблюдая изнутри за жизнью русской семьи в эстонской Нарве (см.: *Laitin D.* Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations...). Хочу упомянуть также книгу исследовательницы из Великобритании Хилари Пилкингтон (*H. Pilkington*) о вынужденных переселенцах из ближнего зарубежья, жизнь которых в селе и в городе (Ульяновск и Орловская область) она изучала в течение нескольких месяцев методами качественной социологии (см.: *Pilkington H.* Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. L. & N. Y., Routledge, 1997).
- ⁴⁹ См., напр.: Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М., 1996; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996; Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). М., 1998; Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998; *Киблицкая М.* Исповеди одиноких матерей. М., 1999; Другое поле. Социологические практики. Под ред. Е. Л. Омельченко, С. А. Перфильева. Ульяновск, 2000; Устная история и биография: женский взгляд. Ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М., 2004; Полевая кухня. Как провести исследование. Под ред. Н. Гончаровой. Ульяновск, 2004; и ряд других.
- ⁵⁰ *Маслова О.* Услышать и понять партнера по социальному процессу (заметки после чтения рукописи) // Предисловие к книге: *Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999. С. 22.
- ⁵¹ По результатам этой экспедиции был издан сборник статей (см.: Этносоциальные процессы в Кыргызстане. Под ред. Н. П. Космарской и С. А. Панарина. М., 1994).
- ⁵² См.: *Вишневская Е.* «Дорогие мои киргизы...» // Азия и Африка сегодня. М., 1993. № 6. С. 16—18; *Космарская Н.* Социально-психологические аспекты межнациональных отношений в Северном Прииссыккулье // Этносоциальные процессы в Кыргызстане...

- С. 49–74. Тогда же я начала разрабатывать пионерное для России направление — гендерные аспекты миграций и этничности (см., напр.: *Kosmarskaya N. Russian Women in Kyrgyzstan. Coping With New Realities // Women's Studies International Forum. Special Issue. Links Across Differences: Gender, Ethnicity and Nationalism. Chicago, 1996. Vol. 19. № 1/2*).
- ⁵³ Подр. о составе групп, поиске респондентов и принципах их отбора см. соответствующие главы книги.
- ⁵⁴ Дело в том, что учет приезжающих в Россию из стран ближнего зарубежья по основным социально-демографическим параметрам велся в России лишь Федеральной миграционной службой (с 1992 г. до ее расформирования в 2001 г.). Однако этот учет охватывал лишь мигрантов, официально получивших статус вынужденного переселенца, а их доля, как известно, не превышала обычно 30–35% всех въехавших.
- ⁵⁵ Описание методологии этих опросов см. в: *Савоскул С. С. Русские нового зарубежья...* С. 20–24.
- ⁵⁶ *Витковская Г.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Под ред. Г. Витковской. М., 1996. С. 129–130.
- ⁵⁷ *Ноэль Э.* Массовые опросы. Введение в методiku демоскопии. Пер. с нем. М., 1993. С. 100–101.
- ⁵⁸ *Савоскул С. С. Русские нового зарубежья...* С. 22.
- ⁵⁹ Подсчитано по неопубликованным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики о численности постоянного населения г. Бишкек по национальностям на 1 января 1996 г.
- ⁶⁰ См.: Население Кыргызстана. Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики в таблицах. Книга II (часть первая). Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Бишкек, 2000. С. 78.
- ⁶¹ Там же. С. 108.
- ⁶² Исходный материал для расчетов см. в: Население Кыргызстана... С. 102.
- ⁶³ *Савоскул С. С. Русские нового зарубежья...* С. 23–24.
- ⁶⁴ Подсчитано по неопубликованным данным Национального статистического комитета о численности постоянного населения г. Бишкек по национальностям (на 1 января 1996 г.) и постоянного населения Кыргызской Республики по национальностям (на тот же период).
- ⁶⁵ Население Кыргызстана... С. 72, 78.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Подсчитано по: Население Кыргызстана... С. 72, 77, 78.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Русские. Этносоциологические очерки. Под ред. Ю. В. Арутюняна. М., 1992. С. 25.
- ⁷⁰ *Савоскул С. С. Русские нового зарубежья...* С. 20.
- ⁷¹ *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996. С. 242.
- ⁷² *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора... С. 48.